

Люди Панг Сяо сделали все быстро и аккуратно. Ранним утром Цинь Хуайюань вернулся в город целым и невредимым.

На рассвете маркиз немедленно отправился к Вэйчи Яню. Он был не из тех, кто беспокоится о деталях или играет роль верного подданного до самого конца, готового умереть за свои убеждения, даже если времена припасли для них темные краски.

Пережив почетного императора так долго и выдержав несколько подъемов и падений, Цинь Хуайюань превратился из идеалистически простого человека в человека, думающего о будущем своей семьи. Поскольку невозможно было одержать победу над Великим Чжоу, он должен был сосредоточиться на задаче получения наибольшей выгоды для императора.

Вэйчи Янь был сегодня в прекрасном настроении, возможно, из-за того, что вчера видел Цинь Инин. Даже сейчас, когда он закрывал глаза, перед его мысленным взором вставал образ девушки, мягко успокаивающей его с опущенной головой.

Или, возможно, какие-то устоявшиеся убеждения окончательно рухнули после встречи с ней. Все, что знал Вэйчи Янь, это то, что он, казалось, сбросил с себя невероятно тяжелые оковы, и он чувствовал себя легким как перышко из глубины своего сердца.

- Ваше Величество, великий наставник Цинь просит аудиенции."

"Впусти его, быстро", - ответил Вэйчи Янь. Он тоже хотел поговорить с Цинь Хуайюанем.

Вскоре маркиз вошел в императорский кабинет. Он поклонился. - Этот субъект приветствует Ваше Величество. Да здравствует Ваше Величество."

- Можешь встать. Садись." Слабая улыбка сияла на лице Вэйчи Яня.

Цинь Хуайюань поблагодарил императора и сел на стул, который принесли молодые евнухи. Этот конкретный стул имитировал дизайн шляп, которые чиновники носили как часть своей униформы. Маркиз улыбнулся. - Судя по выражению лица вашего величества, сегодня произошло нечто радостное."

Вэйчи Янь ответил небольшой улыбкой. - Ничего особенно радостного, только то, что мы кое-что обдумали и от этого нам стало легче. Ты вовремя. Мы собирались вызвать тебя."

Видя, что его сеньор в приподнятом настроении, Цинь Хуайюань подыграл ему. "О чем вы думали, Ваше Величество?"

Вэйчи Янь поднялся и торжественно ответил: "Вчера мы совершили тайную вылазку и провели много времени, гуляя по городу, обращая внимание на все трагические обстоятельства, в которые попала наша нация."

Когда Цинь Хуайюань увидел нахмуренные брови императора и едва скрываемую боль, он быстро опустился на колени. - Этот скромный подданный некомпетентен и не может разделить бремя Вашего Величества."

- Нет, ты отлично справился.- Вэйчи Янь помог маркизу подняться. "Ты уже много сделал для нас и народа Великого Янь. Мы можем сожалеть только о том, что небеса не благословили нас,

что нам не хватает времени, географического преимущества и единства в наших собственных рядах. У нас нет единства.”

Он криво усмехнулся. “Когда мой царственный отец передал мне трон, он сделал это не потому что высоко ценил мои способности или таланты. А только потому, что у него не было другого выбора для козла отпущения. Он припрятал большие суммы денег и бросил в меня пустую яму. Он копил сокровища, чтобы воскреснуть в будущем. Он не будет позорным правителем побежденной нации, когда Великий Янь падет в битве. Историки запишут только, что я был последним императором Великого Яня.”

Вэйчи Янь закрыл глаза и сжал кулаки. - Честно говоря, я чувствую глубокую ненависть и негодование. Отец никогда не заботился обо мне. Когда я вырос, отец смотрел на меня не с любовью отца к сыну, а с глубоко укоренившейся настороженностью.

- Я знаю, он боялся, что я украду его место. Он заботился о моем дяде гораздо больше, чем обо мне. Как мне иногда хотелось, чтобы на этом месте сидел мой дядя. Возможно, тогда мы не оказались в такой ситуации. Но теперь уже слишком поздно.”

Вэйчи Янь стоял спиной к Цинь Хуайюаню, не желая, чтобы подданный увидел его слезы в минуту слабости. Однако сдавленный звук его голоса выдавал, что император плачет.

Цинь Хуайюань снова опустился на колени, тихо слушая, как Вэйчи Янь изливает душу. На него нахлынула холодная жалость к себе.

Когда этот никчемный император был у власти, он был настороже против всех, а не только против Вэйчи Яня. Эту боль чувствовал не только плачущий император. Будучи подданным, Цинь Хуайюань отдал большую часть своей жизни и энергии двору. Но, в конце концов, бывший император играл с ним, как хотел, убивая или восхваляя по капле.

Он мог понять агонию Вэйчи Яня, потому что разделял ее. Может быть, тоска оттого, что ты доверил свои надежды не тому человеку и не смог осуществить свои амбиции, была похожа на ту, когда ты не получил отцовской любви?

- Когда мы вчера выходили из дома, то видели, как люди едят собственных детей.- Голос Вэйчи Яня задрожал. - Я своими глазами видел старуху, одетую в заплатанные лохмотья, грызущую полусжаренную детскую руку...

"Я отказывался признавать свои недостатки, потому что не хотел быть сувереном несостоявшейся нации. Я держался, стиснув зубы, из идиотской гордости. Бесчисленное множество моих людей пострадало из-за этого. Великий наставник Цинь, я ошибался. Я ошибался с самого начала."

Вэйчи Янь обернулся, слезы блестели на его щеках, но до сих пор невидимая решимость была в его глазах.

- Я не должен был эгоистично бросать своих людей в глубины ада. Как император, я не только не приношу им счастья, но и отношусь к ним как к инструментам, с помощью которых можно построить фундамент моего положения. Какая же тогда разница между мной и моим отцом? Мы одинаково эгоистичны и одинаково бесполезны."

"Вы уже очень хорошо поработали, Ваше Величество, - утешил его Цинь Хуайюань. - Великий Янь никогда бы не пал, если бы вы взошли на трон десять лет назад. Есть вещи, которые невозможно исправить, когда берешь бразды правления в свои руки. Это не ваша вина."

Этот ответ ясно давал понять, что в данной ситуации способности Вэйчи Яня действительно были ограничены. Но это был своевременный утвердительный кивок для того времени, когда император находился в самом низу сомнений. До тех пор, пока оставался хоть один человек, который понимал его, то ради спасения остальных людей, это не казалось таким ударом, чтобы принять стать императором несостоявшейся нации.

- Спасибо, великий наставник Цинь. Вэйчи Янь улыбнулся, хотя по его лицу текли слезы. - Я больше не могу быть эгоистом. Я не могу похоронить всех рядом с моим тронном. Я решил сдаться Великому Чжоу."

"Ваше Величество..." комок застрял в гортани Цинь Хуайюань.

Хотя он знал, что как только это произойдет, это станет последним гвоздем в крышку гроба для страны, ради которой Цинь Хуайюань провел большую часть своей жизни. Это означало конец его усилий и молодости, а также многих великих мечтаний, которые имел когда-то смелый и энергичный молодой человек.

Он был несчастен, но одновременно смирился с этим.

Но он также был не из тех, кто принимает решения, опираясь на свои эмоции. Если общее течение событий приводило их к тупику и они ничего не могли сделать, чтобы изменить ситуацию, тогда им нужно было строить другие планы.

"Ваше величество. Цинь Хуайюань вытер слезы и дрожащими руками вытащил конверт. - Я нашла это у себя под подушкой, когда проснулся сегодня утром. Содержимое ... Ваше Величество, я не могу произнести это вслух. Пожалуйста, взгляните."

Вэйчи Янь моргнул и нерешительно взял конверт. Когда он развернул его, чтобы рассмотреть поближе, его и без того бледное лицо побледнело еще сильнее.

Хотя он и решил сдаться, одно дело-сознательно принять решение, и совсем другое-сделать это после того, как его предали.

- Эти люди... Что же это такое! Ха! Наши добрые подданные и наш добрый тесть! Император взвыл на небеса и разразился громкими рыданиями. "Взбунтовались генералы и половина чиновников. Даже мой собственный тесть предал меня! Моих земель больше нет, так за что же мы сражаемся?! Что еще я могу сделать, кроме как поклониться судьбе?!"

Горе поразило Цинь Хуайюаня и он закрыл глаза. Слезы катились по его щекам. Господин и подданный плакали вместе.

Никто из них не заметил, как императрица Ли Яньян молча отступила от дверей императорского кабинета. Она бросила многозначительный взгляд на Лу Гонгуна.

Евнух опустил глаза, как будто императрицы здесь не было вообще.